

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

*Е. В. Кузнецова***ЭТИЧЕСКОЕ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ, ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (1960-е — 1985)**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В 1960–1980-е годы усложнившиеся духовные запросы советского читателя спровоцировали массовый спрос на газетную философскую публицистику. Беспокойство за человека новой формации, вынужденного развиваться в условиях, близких к западному «обществу потребления», продиктовало интерес журналистов к выступлениям на этическую тему. Обозреватель «Литературной газеты» Е. М. Богат, корреспондент «Комсомольской правды» И. П. Руденко, публицист «Известий» Т. Н. Тэсс защищали неразрывность триады «истина — любовь — красота». Их установку разделяли представители гносеологической и этической публицистики философ Э. В. Ильенков и литературовед М. А. Лифшиц.

В философских произведениях, появлявшихся на страницах газет рассматриваемого периода, прослеживается скрытая или открытая оппозиция теории модернистского искусства, западным философским учениям экзистенциализма и структурализма. Выявлено стремление внедрить в массовое сознание коллективистские ценности, и прежде всего неравнодушие. Библиогр. 44 назв.

Ключевые слова: публицистика, философия, модернизм, общество потребления, ценности, экзистенциализм, советская пресса, гносеология.

**ETHICAL, EPISTEMOLOGICAL AND AESTHETIC ASPECTS OF
SOVIET PHILOSOPHICAL ESSAYS (1960s — 1985)***E. V. Kuznetsova*

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Soviet reader's spiritual needs became more complicated in 1960s — 1980s which encouraged a mass demand for philosophical essays in the USSR central press. Concern about new social trends similar to western "consumer society" stimulated journalists' interest in moral topics. Columnist of "Literaturnaya Gazeta" Evgeny Bogat, reporter of "Komsomolskaya Pravda" Inna Rudenko, essayist of "Izvestia" Tatyana Tess defended the unity of the eternal triad "truth, love and beauty". Authors of epistemological and ethical essays — philosopher Evald Ilyenkov and literary critic Mikhail Lifshitz — shared this attitude.

Philosophical essays expressed latent and explicit opposition to western intellectual movements of existentialism, structuralism and to the theory of modernism. An aspiration to integrate collectivist values, especially "sympathy for the Other", in the public mind, was singled out. Refs 44.

Keywords: journalism, philosophy, Soviet press, modernism, consumer society, values, existentialism, epistemology.

«Философская публицистика» — термин, укоренившийся в российской культуре и часто употреблявшийся на протяжении второй половины XX в. Первым специалистом в области теории журналистики, давшим ему определение, стал видный ученый Е. П. Прохоров: это публицистические произведения «субъективного изложения», рождающиеся из стремления высказать авторскую мысль. Они противопоставлялись публицистике «объективной», структура которой формируется фактами, разнообразными жизненными коллизиями и ситуациями [1, с. 208]. Как позже добавила историк прессы А. Л. Семенова, философская публицистика — общественная саморефлексия, к ней относятся тексты, которые ориентированы на массового читателя и «стремятся выявить общие тенденции развития социума и индивида» [2, с. 17–18].

Отдельные аспекты функционирования философской публицистики изучались философами Л. П. Карсавиным, В. С. Зеньковским, Н. С. Кожеуровой, Э. Ю. Соловьевым, теоретиками прессы Д. В. Тумановым, Е. В. Зелениной. Карсавин и Зеленина, в частности, обратили внимание на прогностическую функцию философской публицистики. Такие тексты являются «историческим познанием настоящего с направленностью на... будущее» [3, с. 416], «моделируют духовные контуры грядущего дня» [4, с. 101]. Они выясняют идеалы настоящего момента и призывают читателей к их деятельному осуществлению [3, с. 422].

Изучая философскую публицистику, исследователи, таким образом, получают ключ к решению наиболее острых мировоззренческих проблем, стоявших перед соотечественниками в разные периоды, и возможность использовать этот ключ в настоящем и будущем. Этим, а в равной степени критическим состоянием современной российской публицистики, нуждающейся в новых ресурсах воспроизводства смыслов (среди таких ресурсов в первую очередь нужно рассматривать обращение к собственным историческим традициям), объясняется актуальность предпринятого исследования.

Авторами философской публицистики могут стать профессиональные философы или сотрудники газет, писатели, представители любых других специальностей, углубленно задумывающиеся об особенностях бытия. Можно также предположить, что она распадается на несколько видов, соотносящихся с философскими дисциплинами и направлениями: в прессе регистрируется присутствие антропологических, этических, эстетических, политико- и социально-философских текстов. При этом в зависимости от конкретного исторического периода отдельные виды философской публицистики актуализируются, другие уходят в тень. К примеру, в 1880–1910-е годы был важен вопрос о культурной и политической идентичности России — ему посвятили свои работы В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой. В 1920–1930-е отечественное интеллигентское сообщество разрабатывало увлекательные антропологические проекты, связанные с безграничными возможностями нового, советского человека [5; 6]. В военные годы прослеживалась фрагментарная реставрация дореволюционных мотивов, рефлексия о национальных особенностях русского народа [7].

Оппозиция экзистенциализму

В «оттепельные» шестидесятые-семидесятые годы минувшего века отечественная философская публицистика обратилась к этической проблематике. Отчасти это

объяснялось и политическими причинами: в 1961 г. на XXII съезде КПСС были приняты новая Программа партии и Устав. В этих документах содержался и «Моральный кодекс строителя коммунизма». Тогда же журнал «Философские науки» начал длительную дискуссию о разграничении понятий «мораль» и «этика», завершившаяся лишь в 1965 г. [8, с. 888]. Сами авторы философской публицистики, однако, объясняли свое желание разобраться в моральных проблемах требованиями аудитории. «Письма, которые получают сегодня писатели, показывают, что философскими вопросами, касающимися высших целей человеческого существования, заняты тысячи людей (всех возрастов), далеких от философии» [9, с. 6], — констатировал один из наиболее плодотворных авторов этических статей, обозреватель «Литературной газеты» Е. М. Богат. «Стали ли отношения между близкими людьми: детьми и родителями, мужьями и женами... менее духовными, чем сто лет назад?», «Если бы можно было чудом перенести в наше общество детей из античных Афин, выросли бы они современными во всех отношениях людьми?», «Действительно ли, что все люди рождаются добрыми, доказано ли это наукой?», «Заменит ли что-либо религию в будущем обществе?» — такие задачи вполне серьезно просили решить журналистов их поклонники [10, с. 447].

Автор философской публицистики воспринимался уже не просто как публицист, но и как исповедник, целитель душевных болезней, судья, адвокат или обвинитель [9, с. 12; 11, с. 5]. Причем столь мудрого заочного собеседника аудитория искала, прежде всего, в ежедневной прессе. Толстые журналы растущий интерес общества к пониманию бытия в рассматриваемый период полностью удовлетворить не могли, в первую очередь, из-за выраженного редакционного интереса к публицистике художественной, научной, политической¹.

В эти годы возник интерес к экзистенциализму. Произведения Камю, Сартра, Симоны де Бовуар были известны советской интеллигенции, а феномен «пограничной ситуации» — актуален не меньше, чем для западных поклонников «философии существования». Отечественная наука, однако, экзистенциализм не одобряла [12]. С помощью этических штудий и становящейся теории ценностей (см., напр.: [13–15] и др.) она конструировала модель человека, который, пройдя через «пограничную ситуацию», сделает абсолютно иные выводы, чем житель буржуазных стран. Вместо страха, отчаяния, тревоги — желание «бытия с Другим», радость ответственности, свобода как возможность для самовыражения: эту установку разделяли и публицисты [16, с. 18], причем авторы философской публицистики — вполне сознательно².

Так, анализируя феномен *одиночества*, Е. М. Богат привел письмо молодого мужчины, бывшего детдомовца, расставшегося с любимой, не понятого окружающими. Он собирался покончить с собой, но в последний момент передумал. «И вот ночь, я опять в общежитии, соседи мои храпят во сне, а я пишу вам это письмо. Помните, в самом начале я обещал вам сообщение немалой важности. <...> Оно заключается в том, что я живу. Живу. Я не ушел из жизни. Живу-у...» [18, с. 305], — цити-

¹ Просмотр «Нового мира» за 1960–1985 гг. показал: за это время в нем было опубликовано более 500 публицистических материалов, но только около 20 из них можно назвать философскими.

² «Если раньше, много лет назад, когда экзистенциализм, как чемодан, совершивший кругосветное путешествие, был оклеен ярлыками, я не мог выработать собственного отношения к нему, то сейчас я сам начинаю полемизировать с его идеологами все увереннее и злее», — писал Е. М. Богат [17, с. 12].

ровал Богат мысли респондента, осознавшего: не стоит требовать от жизни многого, ее нужно уважать уже за то, что она есть. Одна из ведущих очеркисток «Известий» Т. Н. Тэсс, размышляя на эту же тему, предложила разделить понятия «одиночество» и «уединение». Уединение — состояние творческое: его испытывает и художник, создающий в безлюдной мастерской новое полотно, и разведчик в фашистском тылу, и космонавт во время полета, замечала публицистка. Их одухотворяет «непостижимая нравственная сила» [19, с. 53] связи с миллионами людей, для которых они трудятся и которым необходима эта работа. Одиноким же человек общество отвергает и получает от «Других» пропорциональный ответ — как мальчик Женька, укравший у одного из своих товарищей компас и подвергшийся остракизму — друзья несколько месяцев с ним не разговаривали. «Я убегу отсюда. <...> Я не могу быть один», — передавала Тэсс слова своего героя, добавляя: «Никогда не бывает одинок человек, если его труд и сердце отданы людям, если он твердо знает, для какой высокой цели работает и живет» [19, с. 54, 55].

Анализ 95 очерков Е. М. Богата, И. П. Руденко, Т. Н. Тэсс свидетельствует: все три автора проявляли склонность к коллективистским ценностям. Наиболее настойчиво (15 раз) они рекомендовали читателям проявлять *неравнодушие*. Это понятие (и близкие к нему концепты «соучастие», «отзывчивость»), в свою очередь, формировало представление о том, что такое «совесть», «порядочность», «ответственность», «счастье»³.

Систематизацией негативных ценностей публицисты занимались менее охотно. Однако можно прийти к выводу, что больше всего они опасались *потребительства* (3 упоминания в негативном контексте), и в особенности — потребительства *духовного*. В ситуации относительного материального и духовного благополучия книги, театры, живопись стали доступны для сограждан в той же мере, как хлеб или бутинки⁴. Возможность беспрепятственно наслаждаться достижениями других поколений, жить, не страдая (а именно страдание — ключ к состраданию другим), без особых усилий надевать маску интеллектуала позволяла легко забыть о значении «Другого», любясь собственной значимостью. Отсюда одна из главных забот философской публицистики — не стереть из человека человеческое, поддержать пробудившийся интерес к себе и миру, не дать окунуться в вещизм.

В связи с этим авторы философских статей предлагали намеренно возвращать в современниках жажду «нравственного самоусовершенствования» [23, с. 193], понимание того, что истина, добро и красота не могут существовать раздельно. «Чтобы явления искусства облагораживали душу, нужно (помимо наличия души) чувствовать реальность тех великих этических ценностей, которые за данными явления-

³ См., например, Т. Н. Тэсс: «Порядочный человек — всегда боец за правое дело. Тот, кто хочет прожить свою жизнь, ни разу не побывав в бою, ни за что и ни за кого не сражаясь, не борясь с недостатками... а лишь оберегая себя от соприкосновения с ними, — тот ложно... понимает значение порядочности» [20, с. 211]; И. П. Руденко: «Слово “счастье” восходит к “со-частью”. Приставка “со” всегда соединяет. Только сократив расстояние между людьми до единства, может быть по-настоящему счастлив человек» [21, с. 10].

⁴ «Сегодня, когда жизнь не требует от тебя каждый день бросаться на амбразуру, жить, взмывая в небо, а не только бездумно волочась по земле, — труднее. <...> Сегодня спрос, если так можно выразиться, скорее не на подвиг, а на *подвижничество*. <...> Подвижничество предполагает протяженность деяния во времени, часто малозаметного, негромкого, непрестижного. Целина поднята, да, но ведь ее надо пахать», — писала И. П. Руденко [22, с. 117].

ми... существуют» [24, с. 232], — заключал Е. М. Богат. «Знания без нравственности, интеллект без человечности, ум без сердечности — это очень опасно» [25, с. 37], — предупреждала И. П. Руденко.

Против формальной логики

Этика — не единственное направление советской мысли, испытавшее расцвет в послевоенные годы. В разных, подчас нестоличных уголках страны в это время активизировались течения, ныне объединенные исследователями под брендом «философского сциентизма» [26, с. 281]. А. А. Любищев создавал работы по философии науки, С. С. Аверинцев — по философии культуры, Ю. М. Лотман разрабатывал теорию семиосферы, М. М. Бахтин дополнял сочинения по теории творчества и эстетике. В печати с философской публицистикой они, однако, по разным причинам почти не выступали⁵. Более деятельно в периодике была представлена московская школа диалектической логики — не всегда одобряемая официально, однако же никогда намеренно не вступавшая в конфронтацию с властью [28, с. 131]. Ее лидер Э. В. Ильенков, по подсчетам А. Г. Новохатько, опубликовал около 20 статей в общественно-политических журналах и газетах [29]. И это — без учета научно-популярных брошюр и выступлений в специализированных изданиях.

Основная идея Ильенкова — систематизировать и дополнить марксистскую теорию познания. Ее «логика, диалектика и теория познания есть одно и то же», писал философ, соглашаясь с точкой зрения Ленина, и противостоял формальной логике, а также западным позитивистским и структуралистским учениям о мышлении. Мысль должна проследить развитие жизни и повторять ее формы, вместе с нею преодолевая диалектические противоречия, воспринимая единичные факты как часть систем, считал Ильенков [30]. Эти выкладки в упрощенном виде высказывались в статьях в «Московском комсомольце», «Литературной газете», журнале «Народное образование».

К примеру, в статье «Школа должна учить мыслить!» философ доказывал: основой обучения в Советском Союзе необходимо сделать решение задач, чьи условия по умолчанию включают в себя противоречия, а следовательно, развивают диалектические способности. Зубрежка, часто поддерживаемая учителями, «калечит мозг и интеллект тем вернее, чем... справедливее и “умнее” сами по себе усваиваемые при этом истины» [31, с. 3].

«Глупую и вздорную идею из головы ребенка быстро выветрит его собственный опыт... “Абсолютная” же истина никогда ему такого повода не предоставит. Поэтому зазубренная без понимания “абсолютная истина” и становится для мозга чем-то вроде рельс для поезда, чем-то вроде шор для работяги-лошади», — беспокоился Ильенков.

Умение мыслить, полагал философ, в той же степени связано с эстетическими и этическими качествами, в какой взаимообусловлены главные идеалы человечества — истина, любовь и красота. Человек, не умеющий воспринимать искусство, не способен создать нового ни в математике, ни в естествознании [32, с. 208]. Такой

⁵ «Я — скромный провинциальный профессор на пенсии, работы которого уже лет двадцать почти вовсе не печатаются», — писал, например, А. А. Любищев [27, с. 190].

индивид может действовать подобно компьютеру, обученному по шаблонам писать музыку, стихи или формулы, но новым Пушкиным, Чайковским или Менделеевым не станет, был уверен философ [33].

Борьба с модернизмом

Здесь мы подходим к важному моменту, характеризующему другую сторону публицистики Ильенкова — эстетическую. Вопрос о значении воображения, творческих способностей для гармоничного развития личности приводил к другому вопросу — каким это воображение должно быть: свободным или несвободным? Безграничным или реализующим свои потенции под контролем общества и в его интересах? Ильенков, искренне разделявший советскую систему ценностей, выбирал второй вариант. Это, в свою очередь, становилось отправной точкой для критики западноевропейского модернистского проекта, чье внутреннее содержание понималось мыслителем как «капризный произвол» [34, с. 244] — столь же вредный, сколь и полное отсутствие творческого воображения.

Заметим, что эстетика СССР к середине XX в. являла собой надежно отстроенную систему представлений, а практика социалистического реализма постоянно получала теоретическую поддержку от философов, писателей, публицистов. С мировоззренческими (отнюдь не только идеологическими) аргументами «за» соцреализм в довоенную эпоху на страницах центральных газет выступали М. Горький [35], А. В. Луначарский [36], А. Н. Толстой [37]. В шестидесятые-семидесятые годы эстетические искания расширились: А. Ф. Лосев и В. Ф. Асмус выпустили работы по античной и немецкой эстетике, Институт истории искусств создал восемь коллективных книг «Вопросы эстетики» (1958–1968), в печати появлялись многочисленные сборники о проблемах соцреализма. Научное признание получил такой жанр, как «критика буржуазного искусства». Одним из эпизодов подобного критического разбора стала публицистическая дискуссия о модернизме, косвенным участником которой оказался Ильенков.

Зачинщиком выступил близкий знакомый Ильенкова, философ и литературовед М. А. Лифшиц. В 1966 г. он разместил в «Литературной газете» статью «Почему я не модернист?», где утверждал: свойственный искусству XX в. иррационализм мог стать невольным вдохновителем фашизма. «Вы хотели витальной силы, вы пресытились цивилизацией, вы бежали от разума в темный мир инстинктов, вы презирали массу в ее стремлении к элементарным основам культуры, вы требовали от большинства слепого подчинения иррациональному зову сверхчеловека? Ну что же, пожалуйста, получите сполна все, что вам причитается» [38, с. 43], — заявлял автор. При этом он практически не проводил разграничений между такими разными явлениями модернизма, как символическая поэзия и поп-арт, стихотворения Блока и провокативные выставки Марселя Дюшана или Энди Уорхолла.

Порожденная публикацией реакция читателей оказалась неожиданной даже для привыкшей к обширной почте «Литературной газеты». В редакцию прислали около ста ответов на статью, ее открытое обсуждение было организовано в Академии художеств СССР и московской организации Союза художников [39; 40]. В числе оппонентов Лифшица выступили член-корреспондент Академии наук Д. С. Лихачев, а также философ и культуролог Г. С. Померанц. В ответном материале Померанц до-

казывал: сложившиеся формы человеческой рациональности еще не в силах осмыслить современную действительность и ее эстетику. Но если искусство отворачивается от строгой разумности, «на то есть причины». «То, что кажется сейчас простым нагромождением нелепостей и бессмысленным истязанием духа, есть нащупывание новых ценностей» [41], — считал Померанц.

Лифшиц не принял доводы противника. Вплоть до конца 1960-х годов он развивал свое представление о модернизме в «Литературной газете», журнале «Коммунист», специализированных сборниках. В частности, в этих публикациях Лифшиц объяснил, что общего видит между символизмом и поп-артом. Оба расшатывают «прежние формы союза между творческой деятельностью субъекта и конкретным миром вещей» [42, с. 93], что «является прямым отрицанием прекрасного» [43, с. 138], отмечал Лифшиц. Ильенков, в отличие от своего товарища, понимал искусство модерна, прежде всего, сквозь призму марксистского учения об отчуждении. «Модернизм, какие бы иллюзии ни питали на сей счет его сторонники, весь, от начала до конца, от кубизма до “попа” (поп-арта. — Е. К.), является формой эстетической адаптации человека к условиям “отчужденного мира”, — писал философ в 1969 г. в сборнике «Искусство нравственное и безнравственное», отчитываясь о поездке в Вену, где посетил выставку поп-арта⁶. — Мира, где мертвый труд господствует над живыми, а вещь, или, точнее, механизированная система вещей, — над человеком» [44, с. 323]. С точки зрения Ильенкова, красота подлинная определялась через ее отношение к истине и добру — «через свое человеческое значение». А именно этим «человеческим значением» модернизм не обладал.

Подробной программы действий, направленной на борьбу с модернистским искусством, ни Ильенков, ни Лифшиц не предложили. Последний, впрочем, привел доводы о необходимости защитить «классическое искусство», «здоровый реализм» и ленинскую теорию отражения, согласно которой исходным пунктом духовного творчества является объективная действительность, а не «выражение внутренней стихийной силы субъекта» [43, с. 144, 148, 154].

Таким образом, в 1960–1980-е годы благодаря усложнившейся духовной организации советского читателя родился массовый спрос на философскую публицистику. Опасения, что эта духовная сложность вырождается в пресыщенность и «потребительство», продиктовали авторский интерес к выступлению со статьями на этическую тему. Она стала центральной для сотрудников «Литературной газеты», «Известий», «Комсомольской правды» Е. М. Богата, И. П. Руденко, Т. Н. Тэсс, которые вместе с философами включились в проект по поиску новых ресурсов воспроизводства человеческого в человеке. Оппозиция западному экзистенциализму толкала публицистов к трансляции коллективных ценностей, главное место в пантеоне которых заняло неравнодушие.

⁶ «Я вдруг осознал, что в бедной голове моей происходит что-то неладное, и, прежде чем успел разобраться, в чем же дело, почувствовал себя плохо. Буквально физически плохо. Мне пришлось прервать осмотр и выйти на свежий воздух, на улицу чинной и старомодной красавицы Вены. <...> У меня такое ощущение, будто на моих глазах хороший знакомый попал под трамвай. Не могу я видеть внутренности, размазанные по рельсам и асфальту», — рассказывал о своих ощущениях Ильенков [44, с. 314].

Логичный вывод этических публицистов о взаимосвязанности добра, любви и красоты для гармоничного развития личности был поддержан в публицистике гносеологической и эстетической. Она представлена именами философа Э. В. Ильенкова и литературоведа М. А. Лифшица. В их творчестве также выразилась оппозиция буржуазным философским учениям, развивавшаяся по линиям: «диалектическая логика марксизма» — «формальная логика и структурализм», «теория социалистического реализма» — «теория модернизма».

Литература

1. Прохоров Е. П. Искусство публицистики: размышления и разборы. М.: Советский писатель, 1984. 360 с.
2. Семенова А. Л. Русская философская публицистика начала XX века: утопия радикального обновления / науч. ред. Г. В. Жирков. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. 296 с.
3. Карсавин Л. П. Философия истории. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 510 с. (Философия. Психология).
4. Зеленина Е. В. Философская публицистика: ценностно-смысловые аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 100–110.
5. Горький М. Десять лет // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24: Статьи, речи, приветствия. 1907–1928. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 270–284.
6. Платонов А. П. Преображение // Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н. В. Корниенко; подготовка текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. М.: Время, 2011. С. 589–590.
7. Эренбург И. О патриотизме // Симонов К., Эренбург И. В одной газете. Репортажи и статьи 1941–1945. М.: Издательство Агентства печати новости, 1979. С. 88–93.
8. История этических учений: учебник / под ред. А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. 911 с.
9. Богат Е. М. Читатель // Богат Е. М. Урок: Очерки. М.: Советский писатель, 1982. С. 3–27.
10. Богат Е. М. Мое ремесло // Богат Е. М. Урок: Очерки. М.: Советский писатель, 1982. С. 439–471.
11. Тэсс Т. Н. От автора // Тэсс Т. Н. В редакцию обратился человек... М.: Советская Россия, 1964. С. 5–6.
12. Соловьев Э. Ю. Экзистенциализм // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 76–88; 1967. № 1. С. 126–139.
13. Проблема ценности в философии: сб. ст. / под ред. А. Г. Харчева. М., Л.: Наука. 261 с.
14. Столович Л. Н. Природа эстетических ценностей. М.: Политиздат, 1972. 271 с.
15. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968. 124 с.
16. Марущак А. В. Отечественная публицистика периода «оттепели»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 25 с.
17. Богат Евг. Будем размышлять вместе // Литературная газета. 1967. № 9.
18. Богат Е. М. Исповедь одинокого человека // Богат Е. М. Урок: Очерки. М.: Советский писатель, 1982. С. 293–306.
19. Тэсс Т. Н. Нет одиночества горше // Тэсс Т. Н. В редакцию обратился человек... М.: Советская Россия, 1964. С. 52–59.
20. Тэсс Т. Н. О порядочности // Тэсс Т. Н. В редакцию обратился человек... М.: Советская Россия, 1964.
21. Руденко И. Как родилась эта книга // Руденко И. Кратчайшее расстояние. М.: Издательство политической литературы, 1985.
22. Руденко Инна. Нет, так нельзя... // Улица, по которой ты идешь каждый день. М.: Правда, 1986.
23. Богат Е. М. Над пропастью // Богат Е. М. Урок: Очерки. М.: Советский писатель, 1982. С. 170–214.
24. Богат Е. М. Ваза в виде урны // Богат Е. М. Урок: Очерки. М.: Советский писатель, 1982. С. 215–237.
25. Руденко И. Не смешно // Руденко И. Адреса любви. М.: Правда, 1981. С. 34–38.
26. Замалеев А. Ф. Сущность и направления советской философии // История русской философии / под общ. ред. проф. А. Ф. Замалеева. СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. С. 277–288.
27. Любищев А. А. Письмо И. Г. Эренбургу и отклики на него // Любищев А. А. В защиту науки: статьи и письма / сост. Р. Г. Баранцев, Н. А. Папчинская. Л.: Наука, 1991.

28. Толстых В.И. Ильенков как драма советской философии // Эдвальд Васильевич Ильенков / под ред. В.И. Толстых. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 120–145. (Философия России второй половины XX века).
29. Библиография печатных работ Э.В. Ильенкова // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике / сост. А.Г.Новохатько, вступ. ст. Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 344–348.
30. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
31. Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить! // Приложение к журналу «Народное образование». 1964. № 1. 16 с.
32. Ильенков Э.В. Пройдена ли таблица умножения? // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике / сост. А.Г.Новохатько, вступ. ст. Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 206–212.
33. Ильенков Э.В. Могучий союзник в борьбе за коммунизм // Читая Ильенкова... URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/gaz/potens.html> (дата обращения: 01.10.2013).
34. Ильенков Э.В. Об эстетической природе фантазии // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике / сост. А. Г.Новохатько, вступ. ст. Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 224–277.
35. Горький М. [Заключительная речь на первом Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года] // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 337–354.
36. Луначарский А.В. О социалистическом реализме // Луначарский А.В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8: Эстетика, литературная критика. Статьи, доклады, речи (1928–1933). М.: Художественная литература, 1967. С. 491–523.
37. Толстой А. Н. О свободе творчества // Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 13: Статьи 1910–1941 гг. / под ред. А. С. Мясникова, А. Н. Тихонова, Л. И. Толстой; коммент. Ю. А. Крестинского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 91–98.
38. Лифшиц Мих. Почему я не модернист? // Лифшиц Мих. Почему я не модернист? / сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова. М.: Искусство — XXI век, 2009. С. 40–56.
39. Навстречу Всесоюзному съезду писателей // Литературная газета. 1967. 15 февр. № 7. С. 7.
40. «За» и «против» // Литературная газета. 1967. 15 февр. № 7. С. 7.
41. Померанц Г. Кто совратил Калибана? // Литературная газета. 1967. 15 февр. № 7. С. 7.
42. Лифшиц Мих. Феноменология консервной банки // Лифшиц Мих. Почему я не модернист? / сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова. М.: Искусство — XXI век, 2009. С. 87–128.
43. Лифшиц Мих. Модернизм как явление современной буржуазной идеологии // Лифшиц Мих. Почему я не модернист? / сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова. М.: Искусство — XXI век, 2009. С. 129–155.
44. Ильенков Э.В. Что там, в Зазеркалье? // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике / сост. А. Г.Новохатько, вступ. ст. Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 300–324.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Кузнецова Елена Владимировна — аспирант; boiling-point@list.ru
 Kuznetsova Elena V. — post graduate student; boiling-point@list.ru